
Г. М. ПРОХОРОВ

Исихасты на Спасо-Каменном

Мы не знаем, были ли «учеными» борцами со страстями, стремящимися к «безмолвию», исихии, те «иноцы пустынножители» числом 23, которых застал в XIII в. на Каменном острове прибывший туда штормом в день Преображения Христова князь Глеб Борисович,¹ но что игумен Дионисий Святогорец, в XIV в. возглавивший обитель по предложению князя Дмитрия Ивановича Донского, им был, можно не сомневаться. Он пришел в Москву из Царьграда, по-видимому, с каким-то поручением, благословением или рекомендацией от патриарха Филофея к московскому князю, раз тот «повелѣ дати ему кѣлию у святого Богоявления на Москвѣ».² А во главе византийской церкви в это время стояли исихасты, последователи Григория Паламы, одержавшего в спорах победу над рационалистом Варлаамом. Исихастское общественное движение, пройдя с начала XIV в. к его середине стадии «келейную» и «теоретического выражения» (в спорах с Варлаамом), достигло в Византии тогда общественно-политического уровня, когда исихасты, «молчальники», начинавшие свой подвижнический путь отшельниками, стали во главе имперской церкви в целом и монашеских общежитий, киновий в частности. Именно общежительный, киновияльный устав рекомендовал в своем послании к Сергию Радонежскому ввести в его обители патриарх Филофей.³ Так что неудивительно, что Дионисий «прѣдаде устав Святыя Горы монастырю»,⁴ конечно, устав общежительный.

Очень похоже, что игумен Дионисий был и иконописцем. Он украсил церковь на Спасо-Каменном «и иконами, и книгами, и всякими красотами».⁵ А кроме того, «юноша именем Димитрий от града, нарицаемого Вологды», уговоривший игумена принять его в обитель и проживший там с новым именем Дионисий «въ послушании 9 лѣт, въ постѣ, и въ молитвах, и сле-

¹ См.: Прохоров Г. М. Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре // Святые подвижники и обители русского Севера : Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели / Изд. подгот. Г. М. Прохоров, С. А. Семячко. СПб., 2005. С. 33—34.

² Там же. С. 35.

³ См.: Житие Сергия Радонежского // БЛДР. СПб., 1999. Т. 6: XIV—XV века. С. 354.

⁴ Сказание Паисия Ярославова... С. 35.

⁵ Там же.

зах», прежде чем игумен благословил его «наединѣ безмолствовати»,⁶ и тот основал свой монастырь на р. Глушице восточней Кубенского озера, явно выучился искусству живописи, иконописания у игумена на Спасо-Каменном. Приписываемая традицией его кисти икона Успения Богоматери, хранящаяся в Кирилло-Белозерском историко-художественном музее-заповеднике,⁷ имеет черты византийской техники, что, насколько я знаю, смущает наших искусствоведов. Но так ведь и должно быть, если он учился у византийца. Дионисию Глушицкому традиция приписывает и удивительно живой образ преп. Кирилла Белозерского, написанный, согласно традиции, в 1424 г.⁸ «До нас дошло, — пишет искусствовед Э. К. Гусева, — одно из самых ранних изображений Кирилла — маленькая иконка, условно датируемая 1424 г. и приписываемая легендарной кисти Дионисия Глушицкого (ГТГ). По преданию, икона была написана „еще живу сущу Чудотворцу“. <...> Конечно, живопись иконы простовата, арсенал средств художника более чем скромнен, пропорции и соотношения фигуры, поза и фона несовершенны. Но образу присуща особая выразительность, за которой угадывается достоверность, обостренное желание передать характерные черты облика преподобного Кирилла».⁹ Чтобы написать этот образ, Дионисий специально приходил к 87-летнему Кириллу в его монастырь. Искусствоведов смущает нимб на этом образе вокруг головы Кирилла.¹⁰ Возможно ли было тогда написать образ живого человека и еще прочертить на этом образе нимб вокруг его головы? Что можно писать образы живых людей, портреты, Дионисий Глушицкий мог узнать у византийца Дионисия: в Византии это было делом обычным.¹¹ Кирилл Белозерский, я думаю, при жизни почитался и назывался Чудотворцем.¹² Нимб на образе, я убежден, просто показывает, *почему* у Дионисия Глушицкого возникло желание написать его образ.

⁶ Там же.

⁷ См.: Иконы Кирилло-Белозерского музея-заповедника. М., 2003. Э. Смирнова датирует эту икону первой четвертью XV в. и связывает с Москвой или Ростовом.

⁸ Хранится в специально для него сделанном в Кирилло-Белозерском монастыре в XVII в. киоте-шкафчике с расписными дверцами в Третьяковской галерее в Москве. Воспроизведение см.: Вологодская икона / Сост. А. Рыбаков. М., 1995. Ил. 25. Здесь она датирована второй половиной XV в. Воспроизведена здесь и икона Успения Богоматери, приписываемая традицией Дионисию Глушицкому.

⁹ Гусева Э. К. Икона «Кирилл Белозерский» конца XV—начала XVI в. из собрания Государственного Русского музея // Древнерусское искусство : Художественные памятники русского Севера. М., 1989. С. 118.

¹⁰ См.: *Вздорнов Г. И.* Неизвестная статья А. И. Анисимова «Иконизация Кирилла Белозерского» // ПКНО. М., 1988. С. 192—193, 196—197.

¹¹ В произведениях византийского искусства палеологовского времени мы видим и Феодора Метохита на мозаике монастыря Хора в Константинополе (см.: *The Cambridge Medieval History. Vol. 4: The Byzantine Empire. Pt. 2: Government, Church and Civilisation.* Cambridge, 1967. III. № 16), и — на миниатюрах — Константина Комнина с Евфросинией Дукеней Палеологиней (см.: *История Византии: В 3 т. М., 1967. Т. 3; между с. 264 и 265)* и Иоанна Кантакузина председательствующим на соборе (там же, с. 139, а также на обложке книги: *Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом : Против иудеев и другие сочинения / Вступ. статья, коммент., пер. с греч. Г. М. Прохорова.* СПб., 2006) и в виде императора и монаха рядом (см.: *Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом : Диалог с иудеем и другие сочинения / Предисл., пер. с греч., коммент. Г. М. Прохорова.* СПб., 1997. С. 43), и императора Михаила Палеолога (см.: *Искусство Византии в собраниях СССР : Искусство XIII в. Искусство Палеологовского времени. Поздневизантийский период.* М., 1977. С. 149).

¹² См.: *Прохоров Г. М.* Преподобный Кирилл Белозерский. СПб., 2011. С. 58, 177, 209.

Другой вологодский юноша, Алексей, пройдя на Спасо-Каменном школу игумена Дионисия, вошел в историю как преподобный Александр Куштский.¹³

Как раз во время пребывания сосланного Дмитрием Шемякой в Вологду Василия Васильевича Темного на Спасо-Каменном, где он был с женой и детьми, «прииде ему перваа вѣсть радостнаа, что идут к нему многие князи и боярѣ служитьи, хотя его видети на великом княжении».¹⁴ Утвердившись на великом княжении в Москве, Василий Васильевич постарался отблагодарить заволжских иноков за эффективность их молитв. В Кирилло-Белозерский монастырь он командировал для написания Жития его основателя знаменитого уже писателя-агиографа Пахомия Серба.¹⁵ В этом островном монастыре, по видимому, князь и его пятнадцатилетний сын Иван и познакомились с иноком Паисием Ярославовым, которого «Письмо о нелюбках иноков Кириллова и Иосифова монастырей» называет учителем «Нила по реклу Майкова», Нила Сорского.¹⁶ Очень вероятно, что Нил Сорский, кирилло-белозерский постриженник, какое-то время жил, учась у Паисия, на Спасо-Каменном. По просьбе Ивана III Васильевича Паисий стал крестным его сына Василия III (1479) и вынужден был стать игуменом Троице-Сергиева монастыря.¹⁷ В качестве «Троицкого игумена» Паисий в 1480 г., во время похода великого князя Ивана Васильевича навстречу хану Ахмату на Угру выступил как миротворец в великокняжеской семье и вдохновитель всеобщей борьбы Руси за освобождение от золотоордынского ига.¹⁸ В этом он прямой продолжатель преподобных Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского, наставлявших князей бороться за свободу Руси.

Наблюдения над интенсивностью переписки в Троице-Сергиевой лавре исихастской келейной литературы, научающей, какие у человека бывают страсти и как с ними бороться (это сочинения Иоанна Лествичника, Ефрема и Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита и др., в большом количестве вливавшиеся тогда в новых переводах в русскую книжность), показывают, что интерес к ней был велик у преп. Сергия, а вскоре после его смерти в его монастыре стал падать и почти неуклонно со временем снижался, пока в XVII в. не сошел вообще на нет.¹⁹ Во второй половине XV в. спад на время сменился подъемом.²⁰ В этом можно видеть влияние игумена Паисия Ярославова. Рукописи, которые как-то связаны с его именем, ясно показывают, что он сам был практиком исихастского «умного делания».²¹ Но в целом его

¹³ См. о нем: Сказание Паисия Ярославова... С. 36, 38.

¹⁴ Там же. С. 40.

¹⁵ Об этом пишет сам Пахомий Серб. См.: Житие преп. Кирилла // Прохоров Г. М. Преподобный Кирилл Белозерский. СПб., 2011. С. 72.

¹⁶ См.: Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зиминой, Я. С. Лурье. М.; Л. 1959. С. 367.

¹⁷ Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 257.

¹⁸ См.: Там же. С. 266—273.

¹⁹ См.: Прохоров Г. М. Келейная исихастская литература : (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой лавры с XIV по XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 317—324.

²⁰ Там же.

²¹ Сказание Паисия Ярославова. С. 21—24. См. также: Прохоров Г. М. Паисий Ярославов // Словарь книжников. Вып. 2: (Вторая половина XIV—XVI в.), ч. 2: Л—Я. Л., 1989. С. 159—160.

опыт управления Сергиевым монастырем оказался неудачным: он старался обратить тамошних иноков на пост и на молитву, за это чуть не был ими убит, и ушел оттуда.

Вероятнее всего, он вернулся в Спасо-Каменный монастырь, незадолго до того погоревший, и именно тогда написал свое Сказание о нем, последнее известие которого о построении каменной церкви, ныне взорванной большевиками, датировано 1481 г. В 1484 г. Паисий отказался стать русским митрополитом вместо вызвавшего княжеское неудовольствие Геронтия,²² а в 1490 г. вместе с Нилом Сорским принимал участие в московском соборе против «жидовская мудрствующих» новгородско-московских еретиков.²³ Умер он в декабре 1501 г., вероятнее всего, на Спасо-Каменном.

«Сказание известно о началѣ Каменскаго монастыря, еже на озере Кубенском стоит...» Паисия Ярославова в XVII в. переписывалось обычно в монастыре вместе с Житием «Иоасафа Каменскаго Чюдотворца».²⁴ Житие это создано, по всей видимости, по заказу иноков-островитян во второй половине 40-х гг. XVI в., когда на Руси закипела литературная работа, стимулированная мероприятиями митрополита Макария — общерусской канонизацией местночтимых святых (соборы 1547 и 1549 гг.) и составлением Великих Миней Четиих. Иноки явно решили, что и они должны постараться явить всей Руси своего святого, княжича-инока Иоасафа, жившего и почившего в их монастыре в XV в., чьи мощи у них хранились. О нем коротко пишет в своем «Сказании» Паисий: «И прииде к нему (игумену Касьяну. — Г. П.) княже-Дмитриевъ сынъ, Заозерскаго, 12 лѣтъ, постричися. Игумен же Касьянъ постриже и нарече имя ему Иасаф, и даст его старцу духовну наказати иноческому житию. И поживе у старца в послушании и в покорении, въ посте и въ молитвах 5 лѣтъ, и прѣставися. И положено бысть тѣло его во церкви древяной наверхъ земли. И лѣжало тело его во церкви до пожара много лѣтъ цѣло и невредимо, и ко гробу его с вѣрою приходящим различни недуги одержимым здрави бываху, паче же студеным недугом, трясавицею, велие исцеление бывает».²⁵ Автор Жития Иоасафа недостаток сведений о герое восполнял заимствованиями из чужих житий, причем делал это небрежно, нисколько не заботясь ни о правдоподобии, ни о внутренней логике произведения, ни даже о грамотности и связи фраз. Отцы собора 1549 г. Иоасафа Каменского в число всероссийски прославляемых святых не включили, его Житие в Великие Минеи Четиии не поместили. Похоже, что официальной канонизации князя-инока Иоасафа так и не состоялось. Тем не менее в XVII, видимо, веке, когда активно стали переписывать Житие Иоасафа рядом со Сказанием Паисия Ярославова,²⁶ распространился и образ преподобного Иоасафа в виде безбородого юноши с округлым приподнятым лицом вполоборота в молитвенной позе со свитком, на котором написано: «Владыко Иисусе, Царю, призри с высоты небесныя».

Жаль, что об этом юноше-князе-иноке Андрее-Иоасафе, современнике Паисия Ярославова и Нила Сорского, мы знаем так мало. Возможно, он был

²² См.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 189—190.

²³ Вологодско-Пермская летопись. С. 281.

²⁴ Перечень списков см.: Святые подвижники и обители русского Севера. С. 53.

²⁵ Сказание Паисия Ярославова. С. 42.

²⁶ Вологодско-Пермская летопись.

свидетелем посещения в 1447 г. ослепленным и сосланным в Вологду Василием II с семьей Спасо-Каменного монастыря, но, может быть, он решил там постричься уже после и в какой-то мере в результате эффективности молитв тамошних иноков. Но вероятно также, что его, выросшего в хорошей семье молодого человека с духовными запросами, потянуло на островок с монастырьком увлечение аскетической исихастской литературой, которая как раз в это время в Заволжье все больше и больше привлекала к себе внимание писцов и читателей.

После смерти Кирилла Белозерского (1427) в его монастыре тоже, как и в Троице-Сергиевом, произошел спад активности переписки, а значит, и интереса к этой литературе.²⁷ Следующий подъем интереса к писателям-исихастам начался там чуть раньше, чем аналогичный подъем в Троице-Сергиевой обители, инициированный, как мы говорили, по всей видимости, Паисием Ярославовым. Но между этими подъемами большая разница: если троицкий не достиг высоты первоначального, идущего от преп. Сергия, то кирилло-белозерский значительно превысил первоначальный подъем и тут и там.²⁸ По всей видимости, он отражал интересы и деятельность Паисия Ярославова и подобных ему «заволжских старцев». А затем этот подъем был поддержан русскими писателями-исихастами, преподобным Нилом Сорским, Иннокентием Комельским и их учениками. После упокоения Нила Сорского (1508) интенсивность переписки в Белозерье исихастских сочинений немного снизилась, но все-таки, несмотря на торжество «иосифлян» над заволжскими старцами, созерцателями и нестяжателями, уже в конце второй четверти XVI в. она начала вновь возрастать и достигла своего максимума в последней четверти этого столетия.²⁹ Тот дух аскезы, борьбы со страстями ради «безмолвия», исхии, который был свойствен Сергию Радонежскому и его многочисленным ученикам во второй половине XIV—первой четверти XV в., тот дух, который вдохновлял творчество Феофана Грека и Андрея Рублева, лишь наполовину возродился в центральной Руси сто лет спустя, во второй половине XV—начале XVI в. Зато севернее, в Белозерье, сто лет спустя, после того как он был «трансплантирован» сюда преп. Кириллом, во второй половине XV в. он возродился так, что оказался гораздо сильнее, чем даже сто лет назад в центральной Руси. Любовь к «умному деланию» ушла из центральной Руси на север, в Заволжье, в Нило-Сорскую пустынь, в Кирилло-Белозерский, Спасо-Каменный и другие северные монастыри и обители. Там продолжала свое формирование и свое творчество прекрасная душа культуры нашей Великой Руси.

²⁷ См.: Прохоров Г. М. Келейная исихастская литература : (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сириянин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря с XIV по XVII в. // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб., 1999. С. 44—58.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.